

А. В. Савицкая

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ «ЛОЖНЫЙ ДРУГ»? О СУДЬБАХ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ШВЕДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Работая с любой парой языков, даже близкородственных, человек неизбежно сталкивается со значительной группой лексики, заимствованной этими языками из одного источника и отличающейся большей или меньшей степенью близости звучания и значения. Языки-источники подобной «общей» лексики варьируются в зависимости от ее принадлежности к тому или иному семантическому полю и стилистическому пласту. Если, например, в науке доминируют заимствования из латыни и греческого, то в искусстве — заимствования из французского и итальянского языков, а в экономике, шоу-бизнесе и спорте — из английского языка. Однако независимо от языка-источника подобная лексика составляет в каждом языке особую группу заимствований, «так называемых интернационализмов, то есть слов и строительных элементов словаря, получивших (в соответствующих национальных вариантах) распространение во многих языках мира»¹.

Следует, правда, оговорить, что понятие «лексический интернационализм» носит относительный характер. Набор интернационализмов в различных языках может быть несколько разным. Например, далеко не все интернационализмы германских языков представлены в русском и наоборот. Семантика интернационализмов в разных языках во многих случаях одинакова (ср.: шв. *universitet* ‘университет’, *musik* ‘музыка’, *continent* ‘континент’), но далеко не всегда. Довольно часто национальные варианты интернациональных слов сильно отличаются друг от друга не только по звуковому и морфологическому оформлению, но и по значению и степени употребительности в языке. В паре языков «шведский–русский» таких примеров много (*lektor* ‘преподаватель высшего или среднего учебного

заведения' и русский «лектор», *kex* 'печенье' и русский «кекс»). С.С. Маслова-Лашанская отмечает, что «слова разных языков, у которых явственно воспринимаемая материальная (=звуковая) близость сочетается с большим или меньшим семантическим расхождением, могут быть названы словами-близнецами»². В контексте перевода подобную лексику обычно называют «ложными друзьями переводчика».

Причины возникновения шведско-русских «ложных друзей», а также их разновидности достаточно хорошо описаны в «Лексикологии шведского языка» С.С. Масловой-Лашанской³ и в предисловии к Шведско-русскому и русско-шведскому словарю «ложных друзей переводчика» Т.А. Чесноковой⁴. Цель же данной публикации — напротив, показать, что в последнее время целый ряд «ложных друзей» переходит в разряд «истинных друзей переводчика». В этом контексте актуальной представляется мысль В.В. Акуленко, который применительно к паре языков «английский–русский» говорит о том, что их «ложные друзья» в подавляющем большинстве случаев «представляют собой прямые или опосредованные заимствования из общего третьего источника»⁵. Таким «общим источником» для шведского и русского языков в последние десятилетия является прежде всего английский язык. Материалом для исследования, помимо указанного словаря Т.А. Чесноковой, послужили шведские толковые словари последних десятилетий, Толковый словарь русского языка конца XX века⁶, книга И.Б. Левонтиной «Русский со словарем»⁷, а также примеры, взятые с сайтов Интернета и из собственного переводческого опыта автора.

Обращение к данной теме в первую очередь связано с переменами, произошедшими в жизни русского общества в конце XX века и оказавшими сильнейшее влияние на развитие русского языка. Общеизвестно, что в периоды исторических и социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются и наиболее подверженной изменениям оказывается лексика как самая подвижная и восприимчивая часть языка. Во введении к Толковому словарю русского языка конца XX века Г.Н. Складаревская систематизирует произошедшие за этот период языковые изменения⁸. Особо актуальными в контексте «ложных друзей переводчика» представляются два момента: массовое вхождение в русский язык заимствований (преимущественно из американского варианта английского языка) и интенсивность семантических преобразований. Следует также отметить, что, хотя шведское общество и не претерпело в последние десятилетия столь кардинальных перемен, как русское, перемены в нем все же происходили, и указанные Г.Н. Складаревской моменты являются актуальными и для шведского

языка. Вместе с тем нельзя не учитывать того, что целый ряд сторон жизни общества, уже давно ставший привычным для шведов, оказался для русских новыми реалиями, потребовавшими наименований. Появление в русском языке соответствующей лексики, чаще всего интернациональной, существенно облегчило работу переводчиков. Например, фиксирующееся в шведском языке с 1939 года слово “*socialarbetare*” (ср. англ. social worker) обрело русский эквивалент «социальный работник» только с появлением у нас соответствующей службы; заимствованное шведским языком в 60-х годах из английского слово “*butikskedja*” (< chain) перестало быть трудным для перевода с появлением у нас сетевых магазинов.

Некоторые интернационализмы шведского и русского языков, ранее отличавшиеся в основном степенью употребительности и определенными коннотациями, в последние десятилетия значительно сблизились. Так, если в шведском языке слово “*problem*” уже давно отличается высокой частотностью, то для русского языка, как отмечает И.Б. Левонтина, в последнее время «стало очень характерным использование слова “*проблема*” там, где раньше сказали бы просто “*неприятность*”»⁹. Аналогичное наблюдение можно сделать по поводу слова «проект», которое в русском языке, по словам того же автора, сейчас «захватило все сферы жизни»¹⁰, в то время как в шведском языке слово “*projekt*” сделало это на несколько десятилетий раньше.

Обратимся к некоторым примерам «ложных друзей» из словаря Т.А. Чесноковой, которые за последнее время, судя по всему, утратили или утрачивают этот статус.

— **Ambitiös** — **амбициозный**. Русский член этой пары объясняется в словаре как «самолюбивый, спесивый», в то время как шведский обладает положительными характеристиками: «честолубивый, целеустремленный». Надо отметить, что и в шведском языке это прилагательное вплоть до 1950-х годов обладало негативными коннотациями, однако затем стало употребляться исключительно в положительном смысле. В русском языке аналогичный сдвиг в семантике этого прилагательного, судя по всему, наблюдается в последнее десятилетие. Толковый словарь русского языка конца XX века еще показывает те же значения, что и словарь Т.А. Чесноковой, в то время как в книге И.Б. Левонтиной, вышедшей в 2010 году, говорится о том, что амбициозность становится положительным качеством: «*Амбициозный карьерист* был героем для фельетона, однако постепенно он становится героем нашего времени»¹¹.

— **Positiv** — **позитив**. Русский член этой пары обладает в словаре Т.А. Чесноковой только одним значением — «фото», в то время как у шведского

слова (которое может быть как существительным, так и прилагательным) присутствует целый набор значений, первым из которых является «позитивный, положительный». Вместе с тем И.Б. Левонтина пишет, что у нас «сейчас в моде слова “*позитивный, позитивно, позитив*”»¹². Слово «позитивный» является в русском языке давним прямым заимствованием, на протяжении многих лет сосуществующим с калькой «положительный». В целом ряде случаев эти прилагательные оказывались взаимозаменяемыми (позитивные/положительные изменения), однако сейчас появились контексты, в которых замена оказывается невозможной (развлекательный позитивный портал, позитивный визит). И.Б. Левонтина приводит два примера — «положительный человек» и «позитивный человек» — и говорит о том, что это совершенно разные вещи. В первом случае речь идет о человеке морально устойчивом, скучновато-правильном, надежно-предсказуемом, а во втором — о человеке с «позитивной» жизненной установкой, думающем «позитивно», от взаимодействия с которым получается «позитивный» эффект¹³. Следовательно, на сегодняшний день перевод словосочетания “*positiv person*” не составляет труда — это «позитивный человек», от общения с которым люди получают сплошной «позитив».

— **Kriminal** — **криминальный**. В этой паре тоже можно отметить небольшое изменение, касающееся употребления русского слова «криминальный». Помимо выделенных Т.А. Чесноковой значений «уголовный; преступный», Толковый словарь русского языка конца XX века дает новое значение этого слова — «предназначенный для борьбы с уголовной преступностью». Следовательно, представленный в Словаре «ложных друзей переводчика» пример *kriminalpolis* теперь можно переводить не только как «уголовная полиция», но и как «криминальная полиция». Об этом свидетельствуют как многочисленные употребления этого словосочетания в переводах детективов, так и 7 млн ответов при его поиске в Интернете.

— **Animation** — **анимация**. Для русского слова этой пары в словаре Т.А. Чесноковой указываются два значения: «вид синтетического искусства» и «технология мультимедиа»; для шведского слова — только одно: «мультипликация». Вместе с тем Большой толковый словарь русского языка указывает для слова «анимация» только одно значение: «мультипликация». Это же значение можно легко обнаружить на сайтах Интернета. Следовательно, шведское слово перестало быть для переводчика «ложным другом».

Думается, что на грани сближения в одном из значений пребывает пара «**panel** — **панель**». Насколько можно судить, у русского слова «панель»

пока еще не выделяются отмеченные Т.А. Чесноковой для шведского слова значения «экспертная группа» и «панель (для участия в дискуссии)». Однако широкая распространенность словосочетания «панельная дискуссия» (шв. *paneldebatt*) свидетельствует о том, что такие значения вскоре появятся.

Можно обратить внимание еще на одну пару — «**mobil** — **мобильный**». Следует оговорить, что в шведском языке данное слово является не только прилагательным, но и существительным. Согласно словарю Т.А. Чесноковой, «ложным другом» оно оказывается, именно будучи существительным, поскольку, помимо «мобильного телефона», может означать «висячее комнатное украшение с подвижными частями». Складывается, однако, впечатление, что здесь также намечается определенное сближение. Дело в том, что собственного слова для названия подобных украшений в русском языке пока нет, хотя сами украшения появились. На сегодняшний день, если речь идет о детской игрушке аналогичного принципа действия, ее чаще всего называют «мобиль» или «мобайл» (от англ. *mobile* 'движение'). Замечу, что попытки переводчика выяснить у продавцов и знакомых, как называется подобное «взрослое» украшение, ничего, кроме этих наименований, не выявили.

Представляется интересным остановиться также на интернациональной лексике, не входившей в разряд «ложных друзей», но появившейся или видоизменившей семантику в шведском языке раньше, чем в русском, что до последнего времени создавало определенные проблемы при переводе. Например, прилагательные “**effektiv**” и «**эффективный**» на протяжении долгого времени употреблялись в обоих языках сходным образом и являлись вполне удачными эквивалентами при переводе: *en effektiv metod* ‘эффективный метод’, *en effektiv behandling* ‘эффективное лечение’. Затем в шведском языке это прилагательное стало употребляться для характеристики человека, и при переводе поначалу пользовались такими эквивалентами, как «деятельный», «активный». Теперь же, по свидетельству И.Б. Левонтиной, словосочетание «эффективный человек» стало широко употребляться и в русском языке. Она даже приводит название книги «Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека»¹⁴.

В шведском языке с 1959 года фиксируется прилагательное “*kreativ*” (< *creative*), которое в дальнейшем начинает широко использоваться в разных словосочетаниях. Его русскими эквивалентами обычно выступали такие прилагательные, как «творческий», «созидательный». Однако в настоящее время прилагательное «креативный», а также существительное «креатив» и даже глагол «креативить» относятся специалистами по русско-

му языку к числу модных. Поиск на сайтах Интернета дает 56 млн ответов. «Креативными» могут быть люди, фотографии, прически, подарки и т.д.

Облегчить работу переводчика могут не только прямые, но и семантические заимствования, при которых уже имеющиеся в языке слова приобретают новые значения по аналогии с языком-источником заимствования. В качестве примера можно взять английское слово “*challenge*”, которое еще в 90-е годы вывело в разряд высокочастотных шведский эквивалент “*utmaning*”, ставший чрезвычайно неудобным для перевода на русский язык. В конце 90-х годов группа русских переводчиков дружно смеялась над одной фразой в переведенной на русский язык рекламной брошюре Шведского института. В оригинале фраза звучала: “*Sverigefrämjandet är en utmaning*”, а по-русски значило: «Популяризация Швеции — это вызов». Предлагались разные альтернативные варианты: «это увлекательно», «это интересная задача» и некоторые другие. На сегодняшний день фраза из брошюры воспринималась бы, очевидно, как вполне приемлемая. Аналогичное употребление слова «вызов» регулярно доносится с экранов телевизоров и встречается в прессе. И.Б. Левонтина отмечает, что в последнее время слово «вызов» буквально на наших глазах расширяет свое значение — реклама говорит о «вызовах жизни», кто-то «чувствует великий вызов» и т.д.¹⁵

Хотелось бы также отметить, что общие английские заимствования в шведском и русском языках могут не только устранять «ложных друзей переводчика» (что происходит, безусловно, чаще), но и способствовать созданию новых. Так, в обоих языках с давних времен существует прилагательное «комфортабельный» (шв. *komfortabel*), восходящее к английскому *comfortable*, но изначально имевшее в них сходную и достаточно ограниченную по сравнению с английским прилагательным сферу употребления: *en komfortabel våning* ‘комфортабельная квартира’. Правда, в шведском языке значительно более употребительным было старое немецкое заимствование “*bekväm*”, более соответствующее русскому «удобный». В дальнейшем ситуация в обоих языках изменилась. В русском языке широкое распространение получило прилагательное «комфортный», отсутствующее в шведском. Зато в шведском языке в середине 90-х годов и “*komfortabel*”, и “*bekväm*” приобрели под влиянием того же “*comfortable*” новые значения, соответствующие русскому «комфортный». Например: “*Hon kände sig inte bekväm på sin nya arbetsplats*” — «На новом рабочем месте она чувствовала себя некомфортно»; “*En del av spelarna kände sig inte riktigt bekväma i tajta kläder*” — «Часть игроков чувствовала себя не слишком комфортно вoble-

гающих костюмах); “Jag känner mig komfortabel” — «Я чувствую себя комфортно». Отвечая на вопрос радиослушателя о том, действительно ли по-шведски теперь можно сказать “det känns okomfortabel” — «это представляется некомфортным», шведские специалисты по языковому нормированию говорят, что колоссальное влияние английского языка на шведскую разговорную речь дает основания полагать, что в будущем прилагательные “komfortabel” и “okomfortabel” станут употребляться значительно чаще, причем как о мебели, так и об ощущениях¹⁶. Поскольку в русском языке «комфортабельным», по словам И.Б. Левонтиной, может быть «только что-то созданное человеком и для человека»¹⁷, то мы можем говорить о возникновении новой пары «ложных друзей»: **komfortabel** — **комфортабельный**.

Как видно из вышеизложенного, в последние десятилетия проникновение в русский язык огромного количества английских заимствований, уже ранее укоренившихся в шведском языке, в целом ряде случаев способствует облегчению задачи переводчика. Некоторые пары «ложных друзей переводчика» постепенно утрачивают этот статус. Хотелось бы подчеркнуть, что целью данной статьи отнюдь не являлся поиск ошибок или неточностей в полезном и нужном словаре Т.А. Чесноковой. Общеизвестно, что любой словарь в отдельных моментах устаревает еще до выхода из печати, поскольку лексическая система языка чрезвычайно динамична. В данном же случае речь идет о том, что русский язык в последнее время впитывает заимствования особенно быстро, поскольку к этому располагает новый жизненный уклад. О плюсах и минусах английских заимствований и их влиянии на развитие русского языка уже написано множество статей и наверняка будет написано еще много. На этом фоне представлялось интересным затронуть вопрос о таком «побочном» следствии этого процесса, как взаимодействие русского языка с другим языком (в данном случае — шведским), который не в меньшей степени испытывает на себе английское влияние, только начал подвергаться ему в таком масштабе значительно раньше.

* * *

¹ Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987. С. 205.

² Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка. 2-е изд. СПб., 2011. С. 114.

³ Там же. С. 115–116.

⁴ Чеснокова Т.А. Шведско-русский и русско-шведский словарь «ложных друзей переводчика». М., 2011. С. 9–12.

⁵ Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика». URL: <http://www.homeenglish.ru/Textakul.htm>

⁶ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.

⁷ Левонтина И.Б. Русский со словарем. М., 2010.

⁸ Толковый словарь русского языка конца XX века. С. 8–10.

⁹ Левонтина И.Б. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Там же. С. 14–15.

¹⁶ Andersson L.-G., Ringarp A.L. Språket. Norstedts Akademiska Förlag, 2007. S. 87.

¹⁷ Левонтина И.Б. Указ. соч. С. 60.